



## **Бенор и Талла Гурфель**

### **ИСХОД**

#### **Введение**

Мы не собирались писать воспоминания о нашей жизни, но директор еврейского музея Эстонии Марк Рыбак предложил нам написать воспоминания о годах «отказа» и, подумав, мы согласились. И хотя мы прожили в Эстонии менее пяти лет, но это были, пожалуй, самые интересные и, выражаясь высоким стилем, судьбоносные годы в нашей жизни.

#### **Наши корни**

Раз уж пишем об Исходе, то и касаться будем темы сионизма в наших семьях. Отец Бенора, Лазарь Ильич Гурфель, был членом Ревизионистской партии, участвовал в работе двух Сионистских Конгрессов в двадцатых годах прошлого века. Собираясь в 1933 уехать в Палестину и открыть лечебницу на Кармеле (он был врачом), но после убийства Арлозорова не поехал. Он организовал в Бельцах (в период между Первой и Второй войнами Бельцы относились к Румынии) «Ахшару», где еврейские юноши и девушки готовились к работе в сельском хозяйстве перед отъездом в Палестину. В Палестину уехали два его племянника еще до войны и еще один сразу после войны. За эту деятельность в июне 1941 отца отправили в лагерь на Северном Урале, а семью - в ссылку в Нарымский Край.

В семье Таллы в Палестину уехала тетя отца еще до Первой Мировой (турки ее выслали обратно, но она вернулась сразу после войны). В период между 1918 и 1924 уехало довольно много родственников со стороны отца и мамин брат. Одного из двоюродных братьев отца англичане выслали обратно в Союз (он погиб потом на фронте). Мамин брат уехал во Францию (к старшему брату) и погиб в 1944 году в Освенциме. В наших семьях никогда эти связи не скрывались, но нельзя сказать, что мы были сионистами с молодости. Скорее

«диссидентами». С начала 60-х читали и распространяли «самиздат», начиная с «Доктора Живаго», кассет Окуджавы и Галича, и кончая уже в 70-ом Амальриком («Доживет ли Россия до 1984 года?»).

## Мечта

За событиями в Израиле следили, но не очень пристально. Изменение произошло перед Шестидневной Войной, когда закрыли Акабский пролив и ООН вывела войска из Синая. Уже во время Шестидневной Войны следили внимательно за всем, что там происходило. Оголтелая антиизраильская пропаганда только усиливала наше неприятие уже не только строя, но и страны, а после августа 1968, когда Союз ввел войска в Чехословакию, стало совершенно ясно, что ждать изменений в той стране бесполезно. В это же время началось почти всеобщее засекречивание. Нам обоим предложили оформить вторую форму допуска. Талле удалось отказаться (шеф согласился, чтобы она вела единственную открытую тему в лаборатории), а у Бенора, который работал на кафедре «Экономики цветной металлургии» в Уральском Политехническом Институте, единственной возможностью было уйти в другой институт. Его приглашали в Институт Народного хозяйства, но перейти из одного из лучших технических ВУЗов страны в только что открывшийся, казалось уж слишком неадекватным. При оформлении он включил в анкету все свои грехи: заключение в лагерь отца, родственников в Париже, надеясь, что ему не утвердят допуск. Но, к сожалению, утвердили.

Впервые мы услышали о том, что евреев отпускают в Израиль летом 1969 года в самолете Вильнюс-Киев. Очень симпатичный рыжий еврей, сидевший перед нами, всю дорогу эмоционально рассказывал нам, что он слышал, что в Риге стали отпускать и не только стариков (как было раньше), но и полные семьи с детьми и внуками. Мы ехали на отдых в Молдавию и, приехав туда, немедленно стали спрашивать знакомых и родственников, слышали ли они о таких случаях у них. Ответ был отрицательный. Как быстро тогда развивались события: уже через два года был Кишиневский процесс!

1970 год был очень тяжелым годом и в общем плане и в нашей семье. Самолетное дело, когда мы замерли в ожидании последующих репрессий. Внезапная смерть Таллиного отца (ему было 57 лет) и матери Бенора. В конце года у нас был наш друг Арон Винокур из Новосибирска (он проработал потом более 30 лет профессором в Хайфском Университете), говорили, конечно, об эмиграции и он дал исключительно важный (как мы потом поняли) совет: перед подачей убрать из дома весь самиздат.

В начале 1972 окончательно решили уезжать, но не из Свердловска. Свердловск был «закрытым» городом (это означало, что иностранцы туда не допускались). У Бенора был «допуск» второй формы, а Таллина сестра Инна, хотя формально и не имела «допуска», но работала в лаборатории на заводе Министерства среднего машиностроения (оборонное), да и Свердловское КГБ отличалось исключительной жесткостью. В общем, мы ясно понимали, что из Свердловска нам не уехать.

И вот тут произошло совершенно невероятное событие с точки зрения нормальной логики. Когда мы пришли в обменное бюро, то обнаружили, что две квартиры в Таллинне хотят обменять на Свердловск. Невероятное состоит в том, что ни до, ни после такого никогда не было (кто бывал в этих городах понимает, почему). Желающих из Свердловска оказалось человек 10, но нам удалось обменять обе квартиры (нашу и Таллиных родных). В середине июля 1972 года мы оказались в Таллинне.

Устройство на работу прошло относительно быстро: к началу сентября мы втроем (Бенор, Талла и Инна) уже работали, две квартиры были обменены на одну большую (мы слышали, чтобы подать всем вместе, нужно жить в одной квартире). Самый большой стресс пришлось пережить, когда в августе вдруг был объявлен Закон о плате за высшее образование. Нам даже представить трудно было, как мы сможем такую огромную сумму заплатить (около 20 000). Но мир не без добрых людей: Лия Исаковна Каплан, работавшая с Бенором, познакомила нас с Толей Бауманом (Бауманы только что подали заявление на выезд). Они были в курсе событий и рассказали нам, что есть возможность одолжить деньги и отдать уже после приезда в Израиль. У нас уже, к счастью, не было необходимости в этом, т.к. действие этого закона было приостановлено в марте 1973 года. В апреле 1973 мы подали заявление на выезд (для подачи нужна была характеристика с места работы, а для ее получения необходимо было проработать не менее полугода).

Сразу же почувствовали разницу между Эстонией и Россией: никого из нас с работы не уволили. У Таллы, в Институте Геологии, отношение сотрудников даже изменилось в лучшую сторону. Надо сказать, что в институты Эстонской Академии Наук «русских», как правило, на работу предпочитали не принимать (там работали лишь те, которых прислали в первые послевоенные годы). До подачи они рассматривали Таллу как «русскую», предполагая, что она приехала с мужем-военным (взяли же на работу потому, что не могли найти специалиста для работы на рентгеновском аппарате). Так что после подачи все, кроме зам. директора (который был явным «стукачем»), стали относиться к ней с большой симпатией.

Еще перед подачей удалось, с одной стороны, наладить какие-то связи с московскими отказниками, а с другой, познакомиться с Таллинскими отказниками: Морисом Эйтельбергом, Атой Малкиной,левой и Юлей Бейлинсонами, Мариком Фюрстом. Самую большую моральную поддержку мы получили от Макса и Доры Юдейкиных ל"י.

Надо сказать, что в Таллинне мы впервые смогли прочитать «Историю евреев» Греца и Дубнова, которые свободно можно было взять в библиотеке Академии Наук (в России эти книги были только в спецфонде и обычный человек не мог их получить).

В июне 1973 года мы получили «отказ», и начали сначала обычную процедуру жалоб: Бенор пошел вместе слевой Бейлинсоном на прием к министру Эстонского МВД Ани. В приемной оказалось полно немцев Поволжья, которые переехали в Эстонию из Казахстана в надежде уехать в Германию (и тоже попали в «отказ»). Министр вышел к народу и возмущенно заявил: «Вы зачем

приехали сюда, думаете здесь нет Советской власти? Советская власть везде!» И на этом прием закончился. Стало ясно, что просьбами ничего не добьешься.

*Когда началась война Судного Дня в октябре 1973 года, отказники Таллинна отправили несколько обращений:*

322.\* *Обращение 8 евреев из Таллина к народу Израиля* [Yom Kippur War 1973]

#### К НАРОДУ ИЗРАИЛЯ

Мы, группа евреев из Таллина, лишённые законного права покинуть СССР и эмигрировать на нашу Родину - в Израиль, в этот трудный час душой вместе с нашими братьями. Глубоко скорбим, что сегодня мы не с вами и надеемся, что не так далек тот час, когда все наши способности мы поставим на службу своей стране, чтобы способствовать ее усилению и прогрессу.

Октябрь 1973 г.

8 евреев из Таллина

"Petitions, letters and appeals from Soviet Jews," J-m 1973.

382.\* *Обращение 5 таллинских евреев к гражданам стран Общего рынка*

#### ГРАЖДАНАМ СТРАН ОБЩЕГО РЫНКА

В этот момент, когда решается вопрос о прочном и справедливом мире, мы призываем всех - мужчин и женщин, общественных и государственных деятелей стран

Организаций Общего рынка - поднять голос протеста против политики предательства и принципов гуманности, которая проводится правительством вашей страны.

Подобная политика привела в прошлом к гибели миллионов людей, в том числе шести миллионов евреев. Политика закрытых глаз на отказ арабских стран признать право Израиля на существование безусловно способствовала разжиганию четырёх арабо-израильских войн. Именно такая позиция приводит к капитуляции перед лицом экономического саботажа и угрозы террора. Поэтому ваше молчание будет толковано как прямая поддержка.

Ваше правительство продало моральные принципы за танкер с нефтью. Неужели вы заглушите свои убеждения за галлон бензина? Вспомните Мюнхен 1938 г. и его последствия.

Мы призываем всех, кто не забыл уроки истории - решительно выступать против капитуляции и предательства.

Гурфель Бенор

Фиш Зинаида

Бейлинсон Леопольд

Гурфель Доротея

Бейлинсон Юдит

1973 г./

Таллин

"Petitions, letters and appeals from Soviet Jews," J-m 1973.

## Действия

К осени мы познакомились с двумя отказниками из Риги: Жаном Ройзманым и Валерием Каминским и они пригласили Бенора приехать в конце ноября в Румбулу (место уничтожения евреев Риги), где еврейские активисты решили привести в порядок захоронения. Тут-то и произошло наше знакомство с Таллинским КГБ. В день отъезда в Ригу Бенор пришел с работы пораньше и готовился к отъезду, когда в дверь позвонили. Он открыл, не посмотрев предварительно в «глазок». Вошел человек в штатском, предъявил документы на имя капитана КГБ Исмикеева и сказал, что хочет побеседовать с Бенором, и

предложил поехать с ним. Бенор успокоил побледневшую тещу (она не видела документы, но «гэбэшников» узнавала безошибочно: насмотрелась еще в 30-х) сказав, что скоро вернется. Исмикеев привез Бенора на Пагари 1 (здание Эстонского КГБ), провел в большой кабинет на третьем этаже и сказал, что они знают о нашей деятельности (оказалось, что довольно много). Настоятельно порекомендовал ему не ехать в Румбулу и отпустил. Было ясно, что в Румбулу Бенору поехать уже не удастся. Это было для нас хорошим уроком: следующие поездки мы уже не обсуждали по телефону.

Раз уж речь пошла об участии в акциях на кладбищах, то надо отметить, что начиная с 74 года, мы ежегодно приносили венок с надписями на иврите к памятнику на Таллиннском Еврейском кладбище и выступали там (в 74-м Алик читал стихи, в 76-м Бенор выступил с речью). Талла ездила в 74-м и 76-м в Киев в Бабий Яр, где ежегодно 29 сентября «отказники» устраивали шествие с венками. Власти в Киеве старались всеми силами не допустить этого, задерживали предполагаемых участников и приехавших из других городов.

Происходящее произвела неизгладимое впечатление. В 74-ом в Бабьем Яру был только памятный камень, поставленный властями в середине 60-х. Талла приехала прямо из аэропорта. Это был теплый солнечный выходной день. Возле камня было довольно много людей и еще больше милиционеров и сотрудников в штатском. Подойти непосредственно и положить туда цветы не разрешали, никаких речей тоже не было. Талла спросила у окружающих, чего все ждут и в ответ услышала, что должны прийти «отказники» и принести венки. Наконец, появилась достаточно большая группа людей с венками, сопровождаемые плотными рядами милиционеров. Как выяснилось, участники приехали с разных сторон на метро и вышли на ближайшей к Яру остановке, где и были встречены милиционерами. Венки привезли на машине туда же, но когда начали прикреплять ленты к венкам, милиция немедленно отобрала ленты, но после долгих переговоров все-же разрешила участникам пойти к Яру. Аня Злобинская, мать которой была убита в Бабьем Яру, пыталась сказать что-то, но это ей не удалось.

В 76-ом установили помпезный памятник достаточно далеко от реального места и власти готовили открытие 29 сентября. Отказники из разных городов тоже решили поехать. Киевские отказники даже сумели получить официальное разрешение на возложение венков к подножью нового памятника. К этому времени наши передвижения по стране стали весьма ограниченными, но Киев для Таллы еще был досягаем, т.к. там жила ее теть, которая была уже тяжело больна (В апреле 77-го во время поездки на научную конференцию во Львов Талла получила предупреждение от соответствующих органов, что ее снимут с самолета, если она полетит через Москву или Киев). Непрекращающийся дождь лил всю ночь и весь день 29 сентября. Большая часть приехавших собралась у Володи Кислика, старого отказника. Саша и Мила Мизрухины (у которых остановилась Талла) должны были приехать с работы (оба работали врачами). Талла с утра была у тети, которая жила недалеко от Бабьего Яра. К 5-ти часам, когда Талла приехала к памятнику, она увидела огромную толпу людей. Официальная часть уже заканчивалась, отдельно стояла группа отказников с венками без лент (венки привезли на машине, а ленты были у Мизрухиных). Ни Кислика, с приехавшими из Москвы отказниками, ни Мизрухиных не было. Несколько раз подходили милиционеры и предлагали

пойти и положить венки, мы отвечали, что ждем еще нескольких друзей. Около 6-ти они сообщили, что наши друзья не придут (мы уже и сами догадывались об этом). Выстроились в колонну и понесли венки к памятнику, положили, и пошли через поле к камню, где прочитали Кадиш. Вечером выяснилось, что Мизрухиных задержали на работе (пришли около полудня и не разрешили выйти из здания до 6-ти вечера). Кислика и компанию арестовали при выходе из подъезда (Бегун при этом кричал «Люди, смотрите, как обращаются с евреями в Киеве»), отпустили около 7-ми. Я пишу об этом, чтобы показать, что хотя, как сказал Ани, советская власть была везде, но местная обстановка накладывала свои условия.

## **Жизнь в «отказе»**

Центром сионистской деятельности была Москва. Там работали семинары: Научный - у Александра Воронеля, а после его отъезда - у Марка Азбеля; Культурный – у Вени Файна и Феликса Канделя; издавался журнал «Евреи в СССР» (редакторы А.Воронель, а затем Рафа Нудельман). Бенор обычно раз в месяц ездил в Москву: в субботу – встречи у Большой Синагоги на Архипова, куда приходили и москвичи, и приезжие из других городов, иногда и иностранцы и где узнавали последние новости, заводились новые знакомства, подписывались коллективные письма. В воскресенье он обычно ходил на семинар ученых-отказников, где помимо докладов, обсуждались и насущные дела, можно было получить очередной номер журнала и, вообще, почувствовать, чем живет алия.

В конце июня 1974 предполагалось собрать научный семинар с участием иностранных ученых, все делалось открыто - приглашения, повестка дня и пр. Решение о проведении семинара было принято в начале года, а месяца за два до его открытия вдруг стало известно, что на это же время назначен визит Никсона. Было понятно, что это создаст дополнительные трудности, но переносить было поздно в связи с предстоящим участием иностранных ученых. Бенор тоже был участником, но предполагая трудности с отъездом из Таллинна непосредственно перед началом семинара, взял отпуск недели за две и уехал в Крым. Перед отъездом договорились с Зямой Вигдерхаус, что Бенор, в случае необходимости, будет ему звонить, а он уже сообщит нам.

Через пару дней после отъезда позвонили с работы и попросили, чтобы Бенор срочно пришел, т.к. есть какие-то вопросы по проекту, над которым работает его отдел. Талла ответила, что он уехал в отпуск и она не знает, где он сейчас. Потом позвонила и встретила с Шурой Лангером ל"ז, который работал в отделе у Бенора и он сказал, что никаких проблем нет (она так и предполагала, но хотела удостовериться). Через день пришла телеграмма с требованием немедленно прийти на работу.

Вообще, когда только подумаешь, сколько сил и средств КГБ тратило на борьбу с отказниками и сколько людей в этом было завязано, только диву даешься. И, главное, зачем, чего они боялись?! Короче, это было только начало, на телеграммы и звонки с работы Талла отвечала, что не знает где он, и как только узнает, немедленно скажет ему, чтобы вернулся. Еще через несколько дней зам. директора Института Геологии (где Талла работала) пришел в ее комнату и

принес направление на проверку в Институт Онкологии на следующий день. Дело в том, что люди, работавшие на рентгеновских установках, проходили ежегодно проверки. Но во-первых, Талла прошла такую проверку за полгода до этого, а во-вторых, направления обычно приходили по почте за пару недель до назначенного времени и, в-третьих, проверки всегда проводились в Институте Профзаболеваний.

Было понятно, что это очередная акция с целью каким-то образом заполучить Бенора, но было еще неясно, как они собираются это сделать. Талла пошла на следующее утро, сдала кровь на анализ, спросила, что они собираются проверять еще и, получив ответ, что сегодня больше никаких проверок не будет, собралась уходить. В это время появилась медсестра и пригласила ее пройти в кабинет врача (как потом оказалось это был зав. отделения). Врач (к сожалению, Талла не помнит его фамилию) сказал, что у нее очень повышено содержание лейкоцитов и они хотят ее госпитализировать, чтобы провести полное обследование. Талла пообещала, что придет на следующей неделе. Кстати, когда она была потом в больнице и ее поместили в отдельную палату, из разговоров с пациентами (на лестнице, где собирались курильщики) стало ясно, что людям приходилось подолгу ждать, чтобы попасть туда. Она пыталась найти тот анализ крови, на который ссылался врач, но его не было в ее папке.

Позднее мы узнали, что одновременно они готовили и другую ловушку. Приблизительно через месяц Талла встретила детского врача Алика и та спросила Таллу, как дела у Алика. На ответ, что все в порядке, она рассказала, что к ней приходил милиционер и требовал, чтобы она дала ему направление для Алика на обследование в психдиспансере, потому что у него проблемы в школе. Врачу это показалось подозрительным (это было время летних каникул) и она отказалась дать направление. Но Талла пошла с ней вместе в поликлинику и выяснила дату прихода милиционера - это было 28 июня.

У Бенора дела развивались следующим образом: накануне начала конференции он приехал в Москву. Конференция должна была проходить на квартире А.Воронеля. Еще по дороге на юг Бенор договорился, что его встретит на вокзале Наташа Штиглиц (Авиталь Щаранская) и пойдет, независимо от него, посмотреть, что с ним сделают. Когда он приехал, никто его не встретил (Наташа позвонила нам за несколько дней до этого и сказала, что ее посадили под домашний арест). Зяма позвонил нам и сказал, чтобы Талла приехала к нему через час, т.к. Бенор будет звонить. Талла была более или менее в курсе событий, благодаря «Голосам» и разговорам с отказниками, у которых еще работали телефоны. Она рассказала Бенору, что все участники семинара посажены на 15 суток. Но он решил, что все равно придет на квартиру к Воронелю в час открытия конференции. Когда он позвонил в дверь квартиры Воронелей, с верхней площадки лестницы спустился человек в штатском, попросил предъявить паспорт, положил его себе в карман, вывел Бенора из подъезда, где уже стояла машина, на которой его и увезли в отделение милиции.

Через некоторое время появился человек, представившийся как офицер Госбезопасности Севастьянов, занимающийся еврейскими вопросами. Пожаловался, что его вызвали из дома (был выходной день), а он себя плохо чувствует (язва желудка). Узнав, что Бенор приехал из Ялты, прямо взвился

(они в это время «чистили» Крым перед встречей Брежнева и Никсона в Орианде возле Ялты). Во время разговора, который длился около 6 часов, он рассказал, что в этот день утром Галич уехал в эмиграцию, что сам он провел несколько лет в Израиле, работая в Советском посольстве, что он не понимает, зачем мы едем в Израиль, что мы не знаем, какие евреи там живут. И что мы скажем, если наш сын захочет жениться на марроканской еврейке и пр.

Около 10 часов вечера появился Исмикеев и тогда стало ясно, что Бенора собираются вывезти в Таллинн. Они с Исмикеевым поехали на вокзал и, когда Бенор пошел брать свой чемодан из камеры хранения, он сумел позвонить на единственный оставшийся телефон, из тех, которые ему дал Воронель и сказал, чтобы сообщили нам, что его везут в Таллинн. На следующее утро Талла пришла на вокзал к приходу московского поезда, чтобы встретить Бенора. Но его не было, и это ее очень взволновало. Бенор пришел домой во второй половине дня: оказалось, что они ехали каким-то дополнительным поездом, который пустили в летние месяцы. По приезду Исмикеев отпустил Бенора, но сказал, что паспорт он получит обратно через две недели и пригрозил посадкой, если он попытается выехать из Таллина в течение этого времени. С конца июля жизнь вошла в обычную колею, возобновились поездки в Москву и другие города. У Бенора вышла в издательстве «Металлургия» книга «Математические методы в планировании и управлении цветной металлургии» (совместно с его бывшим шефом профессором А.Х.Бенуни).

К 75 –му году у нас скопилось много писем от людей, уехавших за эти годы в Израиль: Яши Вайскопа ל"י, Толи Баумана, Мориса Эйтельберга ל"י, Аты Малкиной, Иосифа Дорфмана, Юли Бейлинсон. Те, кто приходил или приезжал к нам, с огромным интересом читали их. И мы решили собрать отрывки из этих писем и напечатать: мы их так и назвали «Репортаж в письмах». Эта работа заняла пару месяцев, потом Бенор отвез «Репортаж» в Москву, там сделали достаточно много копий и потом, во время многих обысков, его изымали. (Талла сама однажды присутствовала на обыске у Ильи Эссаса, когда изъяли «Репортаж»: к счастью, они не арестовали ее за распространение сионистской литературы тут же на месте). К весне 1975 года стало ясно, что нас выпускать не собираются, и Таллины мама и сестра решили сделать попытку уехать вдвоем. Какое-то время ушло на получение новых вызовов и переподачи (теперь уже наш друг Арон Винокур выступал в роли маминого брата: у них одинаковое отчество). В начале августа они получили разрешение на выезд и через месяц уже были в Израиле.

В конце года Бенор, как обычно, собрался поехать в Москву, но на вокзале его уже ждал Исмикеев и увел его в свой кабинет, где и сообщил, что принято решение не выпускать его до 1978 года. Для нас это было катастрофой: Алику в 77-ом должно было исполниться 18 лет и это означало, что его призовут в армию. Главной причиной отказа, как, наконец, они объявили, был проект, законченный в 1970 году, «Перспективы развития цветной металлургии до 1975 года», а на возражение Бенора, что 75-й год уже прошел, ответом было, что он все еще помнит данные по производству цветных металлов.

Вообще, препятствием для эмиграции во многих случаях являлась прошлая профессиональная деятельность, во время которой люди были в той или иной степени, связаны с работами, представляющими государственную или военную тайну. Заключение о характере и степени конкретной информации давало



обычно ведомство, где человек работал, при этом не учитывая свойство человеческой памяти, заключающееся в безвозвратных потерях информации в процессе ее забывания.

Мы решили провести анализ психологических исследований информационных аспектов человеческой памяти. Нашли около 20 –ти иностранных и советских работ, опубликованных в 50-х – 60-х годах, включая материалы XVII Международного психологического конгресса 1966 года по кратковременной и долговременной памяти, «Механизмы памяти» Е.Н.Соколова, изданные в 1969 году и пр. Выводы: большая часть исходной информации (70-80%) забывается в течение года, остающаяся часть-это информация качественного характера. Мы вывели формулу, по которой предлагали определять сроки отказа в выезде с точки зрения психологии памяти, что давало бы возможность людям, права которых нарушались, оспаривать решения властей.

Бенор поехал в Москву и пошел в приемную КГБ на Кузнецком мосту. Там он попросил встречу с начальником приемной. Его провели в кабинет, где сидел солидный, среднего возраста человек в штатском. Бенор объяснил, что вот поскольку его не выпускают в Израиль, считая, что он является носителем секретной информации, то он сделал работу, доказывающую абсурдность этих обвинений и хочет передать ее для ознакомления в Органы. Тот обещал передать в соответствующие инстанции. Мы, конечно, понимали смехотворность этих усилий, но в силу характера не могли сидеть сложа руки.

Основное решение мы приняли в конце 75-го: сосредоточить все силы на борьбе за выезд Алика, но мы ждали пока он закончит школу.

## **Алик**

Каждому человеку выросшему в Галуте обычно приходилось уже в детстве сталкиваться с «еврейским» вопросом, и Алик не был исключением. Впервые это произошло, когда ему было 3 года и он пошел в детсад. Как-то вечером мы услышали, как он напевает «жид, жид по веревочке бежит». Узнав, что он услышал это от Вовочки, тоже 3-летнего малыша из его группы, мы решили не вдаваться пока в глубины национального вопроса, а ограничиться объяснением, что песня эта плохая и повторять ее не нужно. Воспитательнице в детсаду мы, естественно, рассказали об этом и попросили принять меры и нужно сказать, что больше подобных инцидентов не было.

Следующий произошел, когда Алик уже учился в школе, и вдруг отказался играть во дворе. На вопрос «почему», ответил, что мальчишки «обзывают» его евреем. Тут мы уже провели беседу, изложив все, что мы сами знали по истории евреев, под лозунгом «еврей-это звучит гордо!», а для повседневного поведения, в случае повторения инцидентов, отвечать «русский дурак». Повидимому, беседа произвела на него большое впечатление и в дальнейшем Алик уже стал учить нас еврейству и сионизму. Так, однажды, он заявил нам, что мы – не настоящие евреи, потому что не знаем идиш, а вот в семье его друга Жени Лейзерова родители и дедушка говорят на идиш, и дедушка обещал давать ему и Жене уроки идиша (далее нескольких уроков дело не пошло, но главное, что было желание).

Лет в 12, когда они с Бенором были в Кишиневе и разговаривали об отце Бенора, Алик сказал: «Дедушке не удалось уехать в Израиль и, может, тебе не удастся, но я обязательно уеду» (это было в 71-м и мы еще жили в Свердловске). Позднее уже в Таллинне он первый сказал, что нужно зажигать субботние свечи и первый отказался от свинины.

Понятно, что он с большим энтузиазмом воспринял нашу подготовку к выезду и принимал активное участие во всех делах, особенно с 74-го года. Перед Новым Годом в Таллинн приехали Натан Щаранский и Наташа Штиглиц и остановились у нас. Они пригласили Алика приехать к ним во время весенних каникул (до этого Алик ездил только с родителями, а тут его пригласили одного, можете себе представить, как он был горд). Щаранские познакомили Алика с группой мальчиков, немного старше Алика, которые уже были в отказе. С одним из них, Игорем Туфельдом (сейчас главный редактор газеты Форвердс»), он особенно подружился и поддерживает отношения до сих пор.

Летом 74-го он опять поехал в Москву и остановился у Туфельдов. Расхаживал по Москве с большим Маген Давидом, бывал по субботам у синагоги и в других, не совсем «кошерных», местах. Дело кончилось тем, что его прихватило КГБ. Там его допрашивали часов семь, но он был неплохо подготовлен теоретически (правила поведения на допросах циркулировали в нашей среде, хотя фундаментальный труд Володи Альбрехта появился позже) и отвечал на вопросы, как надо. Около десяти вечера его отпустили, но выписали повестку на 10 часов утра следующего дня.

Он помнил «золотое» правило отказников - кто-то, имеющий доступ к передаче информации иностранным журналистам, должен знать о его задержании (в 74-ом это еще помогало, но с 77-го уже нет). И он поехал к Браиловским, рассказал о происшедшем, и Ира на следующий день поехала с ним и, представившись его тетей, ждала его в приемной. Во второй половине дня его отпустили и предупредили о недопустимости появляться с Моген Давидом в общественных местах. Мы, со своей стороны, запретили ему поездки в Москву на год. Но в другие города он продолжал ездить. Так в Киеве он был на суде Штерна, но стал все-таки немного осторожней. С 75-го года мы начали интересоваться случаями отъезда подростков без родителей после получения ими паспорта и просили всех рассказывать нам о таких случаях. В конце 75-го нам сказали, что был такой случай в Ленинграде, когда мальчику разрешили уехать к старшему брату в Израиль, хотя его родители оставались в отказе. Мы решили, что после окончания школы, Алик должен подать самостоятельно (вызов был от бабушки), и он немедленно после получения аттестата в июне 76-го подал. В августе ему дали отказ с формулировкой «бабушка не является ближайшей родственницей».

## **Последний бой - он трудный самый**

В июле 76 мы начали борьбу на всех фронтах. В августе в Хельсинки была намечена Всемирная Экономическая конференция (это совпадало с годовщиной подписания знаменитых Хельсинских Соглашений) и Бенор еще в 75-ом сделал заявку на участие в ней. Совместный доклад с Ильей Злобинским он сумел уже переслать Илье, который к этому времени уехал в Израиль, а сам попросил визу

для поездки в Финляндию. Ответа он даже не получил, и тогда разослал обращения (через приезжающих иностранцев) всем известным экономистам-участникам совещания. Организационный Комитет конференции обратился к Советским властям с просьбой выпустить Бенора в Финляндию. Результатом стала отмена в последний момент поездки советской делегации на эту конференцию, когда они поняли, что там во-первых, будет представлен доклад Бенора (Илья поехал туда) и, во-вторых, там готовятся акции протеста против советских делегатов.

Бенор же со своей стороны решил объявить 10-ти дневную голодовку с 1 до 10 августа на время работы конференции. Все это делалось, конечно, для того, чтобы обратить внимание на наше положение, а это, как всегда, требовало «крови». Мы и раньше участвовали в голодовках, но они, как правило, были от одного до трех дней. Мы знали от людей, участвовавших в 10-ти дневных голодовках, что самое важное - правильно выйти из нее. Тут нам опять помог Зяма, он регулярно проводил голодовки в медицинских целях и у него была книга о том, как вести себя во время длительной голодовки и как выходить из нее.

Алик в это время готовился к поступлению в ВУЗ. Мы, конечно, понимали, что в Эстонии его никуда не примут, в Ленинграде - скорее всего – тоже. Решили попробовать Калининградский Университет. Экзамены начинались 1 августа и Талла с Аликом уехали туда накануне, а Бенор решил начать голодовку в Ленинграде у наших друзей Лени и Лили Райнисов, т.к. несколько участников конференции предполагали приехать в Ленинград и выразить солидарность (никому из них не дали визы). Талла с Аликом приехали в Калининград 30-го июля и утром следующего дня пришли в Университет. Алик пошел в приемную комиссию, чтобы сдать документы, и вскоре вернулся весьма растерянный. У него отказались их принять. Тогда Талла уже пошла вместе с Аликом и сказала, что хочет поговорить с председателем приемной комиссии. Появился весьма представительный человек, представившийся профессором Богуславским, и на вопрос, почему они отказываются принять документы, ответил исключительно интересной фразой: «Вы же сами знаете». После этого нам не оставалось ничего другого, как повернуться и уйти.

Много раз на протяжении лет отказа нас поражала тупость властей. Так было и на сей раз. Ну, позвонили вам и сказали «не принимать», но ведь есть проверенный способ – завалить на экзамене. Так нет, повидимому, страх перед звонившей организацией был таков, что даже принять документы отказались! Через несколько часов мы уже покинули Калининград. Алик поехал домой в Таллинн, а Талла - в Ленинград, где Бенор уже начал голодовку. Бенор переносил ее довольно легко, но т.к. никто не приехал, мы решили вернуться домой, т.к. беспокоились об Алике (кто знает, что еще КГБ может устроить?!).

Через несколько дней стали появляться признаки усиленного интереса к нам со стороны спецслужб. Во время разговора Бенора по телефону с Нан Грейфер, главой Еврейского Культурного Центра в Лондоне, когда он передавал ей свое обращение к участникам Хельсинской конференции, телефон вдруг перестал работать. И уже не работал до начала февраля следующего года. В то же время несколько наших знакомых сказали, что с ними разговаривали и расспрашивали о голодовке, интересовались, где расположен кабинет Бенора и пр. Мы решили,

что нужно убрать из дома некоторые материалы, в частности: документы о нашем израильском гражданстве (нам прислали их в 75-ом), редкие книги, материалы по подготовке к конференции по культуре евреев в СССР, намеченной на декабрь 76-го, Таллины эссе о поиске памятника жертвам фашизма в Феодосии и попытке поступления Алика в Калининградский Университет, написанные по горячим следам. Все это было положено в старый докторский брезентовый саквояж Лазаря Ильича (отца Бенора) и передано коллеге Бенора Ааду Олю (передача проходила по законам детективного кино). Алик вышел с этим саквояжем и пошел дворами в сторону Политехнического Института - мы жили в доме Сыпрусе 211, потом проехал пару остановок на автобусе, вышел и шел по обочине; Ааду остановил свою машину и Алик сел в нее, через несколько кварталов он вышел, оставив саквояж в машине.

После окончания голодовки и выхода из нее (выходить нужно было тоже 10 дней, но эту часть он сократил до шести), Бенор решил поехать в Ригу и оттуда постараться поговорить по телефону с заграницей. Вообще, отключение телефона было серьезным неудобством, мягко говоря. Мы могли звонить с автоматов, находящихся на почте на первом этаже нашего дома, но там не было закрытых кабинок и можно было сказать лишь тривиальные вещи. Но нам не могли звонить, что серьезно осложняло ситуацию (реакцию на голодовку за границей).

### **Hunger Strike Protests Russ Visa Denial**



Через день после отъезда Бенора около шести утра постучал Ааду Оль, когда он вошел, было ясно по его лицу, что произошло что-то экстраординарное. Оказалось, что в эту ночь обворовали персональные кладовки в их доме и украли наш саквояж. Мы немедленно пошли на улицу (он жил недалеко от нас) и принялись обходить и осматривать все окружающие кусты, в надежде, что воры, обнаружив в саквояже книги, выбросят его. Как оказалось впоследствии, они так и поступили, но к сожалению, не мы нашли его. Талла позвонила Бенору и попросила его вернуться немедленно.

На следующий день, около полудня появился представитель КГБ капитан Абалдуев (капитан Абалдуев, в отличие от майора Исмикеева, родился и вырос в Таллинне, сын русских эмигрантов, закончил Экономический факультет Таллинского Политехнического Института, после того как Эстония стала независимой, работал в русском посольстве) и сказал, что Бенор должен поехать с ним в КГБ. Талла настояла и поехала вместе с ними, но там ее дальше проходной не пустили. Когда Бенор вошел в кабинет, на столе уже стоял саквояж, один бок которого был разрезан (повидимому воры не могли открыть его).

Абалдуев зачитал протокол, где было сказано, что товарищ такой-то (фамилии не помним, назовем его Иванов) гулял утром с собакой и увидел валяющуюся под кустом сумку. Он позвонил в милицию, а милиция, просмотрев содержимое, доставила ее в КГБ. После этого каждая вещь доставалась из сумки и Абалдуев спрашивал наша ли это вещь, от кого получена и т.д. На вопрос от кого получена, всегда отвечали, называя фамилию уже уехавшего человека. На вопрос где находилась сумка, он ответил, что в нашей кладовке (такие кладовки были под всеми новыми домами в Мустамяэ и кражи там приходили довольно часто). В конце он достал из ящика стола современный маленький магнитофон и сказал, что беседа записана и завтра Бенор должен прийти снова, на что Бенор ответил, что добровольно он больше не придет.

Приехав домой, сразу же пошли на почту и связались с Браиловскими (у них телефон был отключен еще во время войны Судного Дня, но можно было позвонить их другу, который жил в соседнем доме, и попросить их прийти на разговор). Ира сказала, что теперь есть новый метод: КГБ дает письменное предупреждение о том, что человек предупрежден в том, что он ведет антисоветскую деятельность и, если он подпишет это предупреждение, то при следующем нарушении они уже имеют право немедленно его арестовать (вроде как он сам подписал себе приговор).

Немного полегчало, но мы понимали, что завтра будет нелегкий день и, конечно, хотели, чтобы кто-то из отказников был в Таллинне. Позвонили Эссасам, Аня сказала, что Илья в Ленинграде у Райнисов и она ему немедленно позвонит. Позвонив утром Райнисам, мы узнали, что Илья с Леной выехали в Таллинн. Следующим утром мы пошли на работу. Бенор рассказал Ааду о последних событиях, они решили отпустить всех сотрудников (чтобы их не могли привлечь, как понятых). Около 9-ти позвонили из отдела кадров Министерства и спросили на работе ли Бенор. Бенор позвонил на работу Талле и она тотчас же приехала. Около десяти Бенор увидел из окна, что к входу в здание направляются три человека: Абалдуев, начальник отдела кадров Министерства и милиционер.

Талле они сразу же приказали покинуть помещение, она попыталась возражать, но ничего не помогло и она вышла в коридор. После этого они приказали Ааду тоже покинуть комнату. Когда они остались одни с Бенором, ему предъявили бумагу с несколькими пунктами обвинения (5 или 6) в антисоветской деятельности и предупреждением, что если и в дальнейшем он будет продолжать подобную деятельность, то будет немедленно арестован. К тому времени отказники и диссиденты уже широко пользовались брошюрой В.Альбрехта «Как вести себя на допросах». Бенор взял лист бумаги и стал

переписывать текст предупреждения, они терпеливо ждали. Когда он закончил, сказал, что подписывать не будет. И они ушли. Обрадованные, мы вернулись домой, позвонили Браиловским (мы договорились, что если Бенора арестуют, то они соберут прессконференцию в 6 часов вечера). Неожиданно позвонили в дверь и вошла журналистка из английской газеты. Мы ей все рассказали и Бенор в микрофон прочитал текст предупреждения (эта мера появилась только недавно и текст еще не был известен полностью). Еще через пару часов появились Илья и Леня и мы, впервые за месяц, немного отошли.

После появления КГБ у Бенора на работе, обстановка там изменилась, было ясно, что Министерство всеми силами пытается от него избавиться, и к концу октября это им удалось. Ааду тоже пришлось уйти через месяц.

Между тем, мы продолжали как-то продвигать дело о выезде Алика. В конце октября решили, что Талла с Аликом поедут в Москву на прием к начальнику Всесоюзного ОВИРа Обидину. Такие приемы обычно проходили раз в месяц, Но для уточнения даты нужно было позвонить в ОВИР. Талла позвонила за несколько дней до предполагаемой даты и, узнав, что она звонит из Таллинна, ей ответили, что приема не будет. Зная, что мама Игоря Туфельда тоже собиралась на прием, она позвонила ей и та сказала, что насколько она знает, прием будет. Тогда Талла позвонила еще раз и сказала, что она звонит из Ленинграда, ответ был, что прием будет. Стало ясно, что таким образом нас не хотят пускать в Москву. (Там в это время проходила очередная акция отказников во главе с Владимиром Слепаком).

Наверно, надо было отказаться от поездки, но... мы решили все-таки поехать. Приехали в аэропорт втроем на послеобеденный рейс. Когда Талла с Аликом предъявили билеты и паспорта, служащая взяла их и отошла от стойки. Началась какая-то суета, нам сказали подождать. Люди продолжали проходить регистрацию, а мы все ждали: Талла с Аликом у стойки, а Бенор – сзади. Вдруг Бенор сказал «пришли», мы оглянулись и увидели Исмикеева в сопровождении еще двух человек. Он подошел к Талле и Алику и сказал, что Талла не может сегодня лететь. Талла, не сдерживаясь, начала «качать права», причем громко требовала объяснить на каком основании ее снимают с самолета (почему-то она кричала, что она «не мешочница»). Исмикеев все время повторял: «тише, тише, поедем в отделение и я Вам все объясню». Он явно хотел избежать публичного скандала. Тут Алик вдруг спросил, может ли лететь он (поскольку Исмикеев сказал, что Талла не может лететь) и, как ни странно, ответ был положительный (наверно, они не подготовились к такому повороту). Самолет уже должен был взлететь, его задержали, Алика завели в кабинку тут же в аэропорту, обыскали и он ушел на скамолет. Но мы знали случаи, когда ГБ задерживало людей уже при прилете, потому, поскандалив уже теперь по этому поводу и сказав, что если это случится, им не избежать огласки, мы поехали домой, (опять отказавшись ехать с ними в отделение), чтобы позвонить в Москву и сообщить, что Алик приезжает один (встретить его уже никто не успевал). Талла еще порывалась уехать поездом, но Бенор, у которого было больше здравого смысла, уговаривал ее этого не делать (все равно они не дадут ей уехать) и повел ее к Юдейкиным, чтобы они, во-первых, ее немного успокоили, а во-вторых, чтобы оттуда самим звонить и ждать сообщения о приезде Алика. Ира Браиловская на следующий день пошла с Аликом на прием, опять в качестве его тети, но в кабинет ее не

пустили, а Алику Обидин сказал, что они рассмотрят его заявление и в течении месяца ответят.

Через месяц, в конце ноября, Талла решила поехать на прием во всесоюзный ОВИР. Было, как обычно, много людей, большинство выходило из кабинета Обидина успокоенными (видимо у него было хорошее настроение и он раздавал обещания). Талла подняла вопрос об Алике, сослалась на пункт в Хельсинском соглашении, в котором говорилось о праве на эмиграцию людей, не имевших доступа к секретной информации. Ответ был немного нетривиальным: «да, право есть, но не написано, когда оно может осуществиться, некоторые отправляются уже после смерти». Талла встала и вышла из кабинета, громко хлопнув дверью.

Потом пошла в союзную Прокуратуру, постояла там в очереди, и послушала рассказы о мытарствах обычных советских людей, приехавших со всех концов страны, и пришла к выводу, что мы, пожалуй, самые свободные люди в СССР. Прокурором оказалась довольно милая женщина, она внимательно выслушала Таллу (конечно в любую инстанцию мы приходили с письменным заявлением, но во время разговора пытались подчеркнуть наиболее важные детали), сказала, что этот вопрос не в их компетенции, но дала важный совет: ни в каких обращениях не писать, что Алик отказывается служить в армии, потому что могут осудить только за намерение отказаться от службы. Около 5-ти приехала к Эссасам, где все рассказала. Обсудили всякие вопросы и она уже собралась уходить, когда в дверь позвонили. Оказалось, пришли с обыском. Так, Талла впервые попала на обыск (Бенор оказался на обыске у Браиловских через месяц). Кстати, этот опыт частично помог ей в дальнейшем подготовиться уже к нашему обыску в конце декабря.

Поскольку у нас не было большой надежды, что Алика выпустят до его 18-летия, то мы пытались найти какую-то зацепку, чтобы его не могли призвать в армию. Еще во время приезда в Киев, в конце сентября, Талла обсуждала этот вопрос с Сашей Мизрухиным, врачом-психиатром, которому мы абсолютно доверяли. Он предложил имитацию сотрясения мозга, сказал, что даже если пункция спинномозговой жидкости не показывает прямо, что было сотрясение, жалобы на постоянные головные боли и пр. признаются достаточными для диагноза. Дал нам справочник, где были описаны симптомы и сказал, что когда мы решимся, он даст нам ампулу с лекарством, которое вводится алкоголикам и вызывает рвоту, чтобы к моменту приезда скорой помощи первичные симптомы были зарегистрированы. Мы решили провести эту «операцию» в январе и потому Талла в начале декабря поехала в Киев за ампулой. Саша не смог дать ей ампулу (были выходные дни), но мы договорились, что он вышлет ее в коробке конфет на адрес Цвии Левиной, заменив одну конфету на ампулу.

В Москве 21 декабря должен был начаться Симпозиум по еврейской культуре и, хотя все материалы для доклада пропали, Бенор все равно собирался поехать. Слежку мы заметили числа 12 декабря. Бенор был в центре города и зашел на работу к Талле, сказав, что ему кажется, что пока он ходил по городу ему несколько раз попадался один и тот же человек. Когда мы вышли из здания, то на остановке тролейбуса он увидел того же молодого человека, в пыжиковой шапке и клетчатом махеровом шарфе (зимняя униформа «топтунов»). На сей раз он держал раскрытую газету, рядом стояла молодая девушка. Еще до этого мы решили, что Бенор не сможет добраться в Москву ни самолетом, ни поездом; выбрали - автобусом в Ленинград, а потом уже поездом в Москву. В следующие

дни слежка была уже около дома и на ближайшей остановке автобуса и троллейбуса, начиная приблизительно с 7 утра и до позднего вечера. В намеченный день, рано утром, в кресло возле письменного стола, которое стояло напротив окна, посадили смотанную из подушек и одеял фигуру, одев на нее Беноровскую кофту. Потом еще затемно, Бенор и Талла вышли из дому и прошли дворами, держась поближе к лесу, на улицу перпендикулярную Сыпрусе (не помним название), там Бенор взял такси, а Талла осталась и проследила, последует ли какая-нибудь машина за ним.

Все прошло нормально. Дома Талла и Алик «разговаривали», обращаясь как бы к Бенору. Дело в том, что приблизительно в октябре (у нас как раз гостил наш друг из Свердловска Аркадий Элькин и он почти весь день оставался дома), в квартире над нами был большой ремонт и Аркадий сказал, что похоже, что перекрывают пол. Талла поднялась на площадку и спросила, почему такой сильный шум и ей сказали, что делают новый паркет. Мы сказали что-то в квартире, специально, чтобы проверить, и убедились, что прослушка работает. После этого все важные разговоры велись на улице или в кафе, дома же, в определенных случаях, переписывались с помощью замечательных блокнотов, которые использовались в американских школах (пишешь текст, потом поднимаешь страницу и текст исчезает). Нашей целью было скрыть уход Бенора хотя бы до вечера, пока он уедет из Таллинна.

Бенор должен был уехать с автобусной станции в 12 дня, мы договорились, что Талла подойдет к этому времени на станцию и, не подходя к нему, подождет пока он сядет в автобус и уедет. Из здания Академии наук было три выхода: два, так сказать официальных, и один «черный». Когда Талла хотела исчезнуть незаметно, она пользовалась этим выходом, проходила через «Каубамая» (идею прохода через «Каубамая» подсказал нам Илья Зунделевич - там легко потеряться). Так она пешком дошла до автостанции, увидела, что Бенор стоит уже около входа в автобус, подождала, пока автобус ушел и, успокоенная пошла на работу.

Постоянной связи с Бенором не было, договорились, что в крайнем случае, он позвонит Илье Зунделевичу (его номер Бенор выучил наизусть). У Зунделевичей, всегда кто-то был дома. В Москве Бенор остановился у Браиловских и провел у них первый вечер Хануки (18 декабря). Талла и Алик устроили Ханукальный вечер дома, пришли Макс и Дора Юдейкины, Цвия Левина, возможно еще кто-то, но уже не помним.. Незадолго до прихода гостей принесли телеграмму, что нас вызывают на разговор из Киева на 8 вечера: звонил Саша Мизрухин, сообщил, что, во-первых, они получили разрешение, а во-вторых, у них только что закончился обыск (это уже после получения разрешения). Талла имела привычку каждый вечер слушать все «Голоса»: Би-би-си, Немецкую Волну и Голос Америки (это то, что можно было, иногда с трудом, услышать). В этот вечер было особенно плохо слышно, но она сумела разобрать, что братьев Гольдштейн из Тбилиси, выслали из Москвы, как только они прилетели.

На следующий день Бенор поехал к Эссасу, привез на подпись письмо к Американскому Конгрессу, провел у него второй Ханукальный вечер и вернулся обратно к Браиловским. Он заметил возле подъезда слегка припорошенный снегом газик, но не придал этому значения, поднялся на лифте



и позвонил в дверь. Открыла дверь мама Иры, Фаина Моисеевна ל"י, сзади нее стоял незнакомый человек, который сразу спросил Бенора, кто он такой, потребовал предъявить паспорт, забрал у него из рук учебник английского языка, в котором лежало письмо с подписями, и провел его в комнату, где было еще несколько гэбэшников и, повидимому, понятых. Бенор сел рядом с Витей и сумел передать ему номер телефона Зунделевича. Обыск продолжался еще пару часов, после чего Бенору сказали, что его отправят в Таллин и увезли в Московский Уголовный Розыск. В приемной забрали портфель, с которым он обычно ездил в такие поездки, вытащили все из карманов и отправили в камеру. В камере находилось еще два человека, повидимому мелкие уголовники, спросили за что его взяли и, услышав, что на обыске по книжным делам, отнеслись с пониманием и уважением (понятно, сказали, политический). Утром открыли камеру, привели Бенора в ту же комнату, где он был ночью, там уже находился Исмикеев с еще одним человеком. Все трое сели в машину и поехали на аэродром. Исмикеев с раздражением сказал: «Ну и сколько раз я еще буду вывозить Вас из Москвы?!» На что Бенор ответил, что это зависит от них, выпустят, так и вывозить не нужно будет. Уже в самолете он спросил, как Бенор добрался до Москвы, ответ был: поездом.

В Таллине события развивались следующим образом: в шесть утра в субботу 20-го декабря в дверь позвонили. Посмотрев в «глазок», Талла увидела Цвию (что само по себе было исключительным явлением: было известно, что по выходным она не встает раньше 10-ти). Она с порога сказала, что звонил Илья просил передать, что «Бенора везут домой в тяжелом состоянии и нужно подготовить место». Быстро собрали две больших сумки с книгами и втроем вышли из дома, как обычно в таких случаях, прошли дворами, взяли такси, Алик и Цвия уехали (Цвия решила, что она сможет оставить сумки до воскресенья у себя на работе, а за это время решить, куда переправить их дальше). Талла связалась с Браиловскими, они рассказали о том, что произошло, сказали, что у них забрали записные книжки (на обыске у Эссасов записные книжки не тронули, потому Талла их и не вложила в сумки).

Когда Алик вернулся, Талла отправила его с записными книжками к Цвие и просила его не появляться дома, пока мы не позвоним. Около 11-ти позвонили в дверь, вошел Бенор в сопровождении семи человек (трое в штатском, из них только одного мы видели раньше, когда Таллу не пустили в самолет, и четверо молодых ребят в форме Морского училища-поняты). Начался обыск, который длился около 4-х часов, изъяли 35 предметов, в том числе пишущую машинку. Поняты принимали довольно активное участие в процессе: старались не оставлять Таллу с Бенором одних. Алик появился, конечно, и на вопрос нет ли у него порнографии, ответил, что за исключением его снимков в возрасте до трех лет, пожалуй, ничего нет. Шутку оценили и в его комнате ничего не смотрели. Вообще, в основном, искали в кабинете и в гостиной, где стояли полки с книгами. В спальне почти не смотрели, забрали только листок с замечаниями о передачах «Голоса Америки», которые Талла делала. После составления протокола, следователь сказал, что Бенор должен поехать с ним в Прокуратуру. Талла собралась ехать с ними, но он сказал, что Бенор через час вернется и даже дал ей свой номер телефона (куда Талла точно через час и позвонила и получила ответ, что Бенор только что ушел). Когда Бенор вернулся, мы позвонили в Москву Владимиру Лазарису с просьбой передать все Вене Файну. Следователь вызывал Бенора еще пару раз, допрашивал по поводу изъятых

материалов, но скоро понял, что ничего не добьется и даже вернул машинку (невероятный случай).

Через несколько дней мы получили телеграмму, что нам необходимо быть в Ленинграде 26-го декабря. Слежка, вроде, закончилась и мы, правда с большими предосторожностями, прошли в поезд, минуя вокзал. Паспорт Бенору еще не вернули, так что важно было не попасть в ситуацию, где могли потребовать его предъявить.

Встреча с профессором из Оксфорда Майклом Юджиным была исключительно важной. Он приехал, чтобы подробно узнать, что произошло в Калининграде с Аликом. Результатом этого стала кампания, проведенная в Оксфорде, где Алика приняли студентом в 23 колледжа и каждый посылал телеграммы Брежневу, во Всесоюзный и Эстонский ОВИРы с просьбой отпустить его на учебу. Кроме того, Талла обсудила с Майклом возможность поддержки Комитетом 35-ти<sup>1</sup> демонстрации, которую она собиралась провести в Москве в День защиты детей (реакцию в мире на положение Алика).

Information sheet on Eliezer Gurfel      Liverpool Bnei Akiva.

extract from "Jews in the USSR" no.40

Seventeen year old ELIEZER GURFEL, from Tallin, applied for an exit visa independantley of his parents after they had waited three years without success to go to Israel. Earlier this month Eliezer was turned down. The reason for his refusal - he is Benor Gurfel's son.

Last month Eliezer has another rejection, this time from Kalingrad University. on the grounds that he was outside the administrative area of Tallin (where the GURFEL) family live) despite the fact that another applicant from his own town was accepted. Meanwhile Eliezer's application to Jerusalem University was successful. On September 14 the notification of acceptance was sent to him.

Eliezer's refusal to emigrate is the latest blow in a series that have befallen since his father went on hunger strike. He was protesting because he was not allowed to attend a scientific congress in Helsinki, last August, to which he was invited. Within days of BENOR'S hunger strike his telephone was disconnected, his flat was raided by the police, and he received a warning from the KGB that he would be charged with 'Anti Soviet activities'.

His . address is:

ELIEZER GURFEL      Age 18.  
USSR  
ESTONIAN SSR  
BULEVA SIPRUSA 211-28

Перед Новым Годом произошло еще одно весьма неприятное событие, касающееся Алика. Он учился в русской школе в Мустамяе (кажется №38), особых проблем у него не было, за исключением того, что на него давили, чтобы он вступил в комсомол. До 10-го класса было еще несколько человек -

<sup>1</sup> Организация еврейских женщин Англии в поддержку эмиграции

некомсомольцев, кроме него, но в 10-ом уже все вступили (иначе трудно было поступить в институт) и тогда давление усилилось. Алик отвечал, что он еще не готов и, в конце концов, от него отстали. Аттестат у него был неплохой, с тройками только по физике и пению. Он дружил с несколькими мальчиками, а самым близким был Сережа Гуляев. Сережа единственный знал наше положение, бывал у нас дома, знал, когда уехали бабушка и тетя Алика. После окончания школы он уехал в Ленинград и поступил в Кораблестроительный институт. Алик с нетерпением ждал его приезда на зимние каникулы, когда весь класс должен был собраться в школе. Сережа пришел, как только приехал (позвонить он не мог, телефон – то не работал), вызвал Алика на улицу и сказал, что Алику в школе лучше не появляться. Сережина мама работала в той же школе и рассказала, что в школу приходили из КГБ, вызывали и беседовали с каждым учителем, у которых Алик учился. Подробностей она не знала, но учителя были испуганы и очень рассержены на Алика за то, что он поставил их в такое положение. Алик и Сережа встречались еще несколько раз, пока тот был в Таллине, и больше уже никогда не виделись. Алик его часто вспоминал и долго возил с собой картину, подаренную Сережей (он довольно хорошо рисовал). Какую информацию ГБ хотело получить от учителей, остается загадкой.

На 9-ое января мы назначили начало «Операции ступенька», как мы ее назвали. Об этой операции не знал никто, кроме Саши Мизрухина. План был такой: Около 10 утра (это была суббота) Алик должен был лечь на ступеньки, ведущие из дома во двор, мы хотели, чтобы его нашел в этом состоянии кто-то из соседей. Так и получилось: молодая пара (дочка одного из жильцов вместе со своим другом) нашли его как бы без сознания на ступеньках, она знала, где он живет и позвонила в нашу дверь (они оба поддерживали Алика с двух сторон), мы попросили их позвонить в скорую помощь, а сами занялись подготовкой. Сделали Алику укол, минут через двадцать приехала скорая, спросила нас, что и как, мы сославшись на ребят, которые его привели, повторили то же, что они уже знали. Они стали поднимать его на ноги и его вырвало (это и был эффект укола). Тогда они принесли носилки, вынесли его и сказали, что увозят в Центральную больницу. Алик прекрасно сыграл отведенную ему роль: то открывал, то закрывал глаза, отвечал на вопросы не очень ясно и пр. Мы поехали следом в больницу, к тому времени его уже положили в палату на десять человек (и так он там, бедный, промучился 10 дней). Мы думали, что Дора Юдейкина сможет помочь перевести его в другую палату (она работала в той же больнице в кардиологическом отделении), но это ей не удалось.

Мы, конечно, как могли, пытались облегчить его пребывание там: приходили, когда только можно было, приносили домашнюю еду, сидели и тихо ему рассказывали всякие новости. Книги он не должен был читать, так как жаловался на головные боли. Пару раз у него брали пункцию, что само по себе весьма болезненно. В результате его выписали с диагнозом «сотрясение мозга», дали больничный и направление к невропатологу. Этому мы и добивались. Все знакомые высказывали предположение, что это возможно КГБ устроило (толкнули или ударили его), но мы не поддерживали эти мнения, не желая привлекать излишнего внимания к этому эпизоду до поры, до времени.

В это же время приходилось заниматься и другими делами. После потери Бенором работы необходимо было подумать о трудоустройстве: по тогдашним

законам человека, не работающего больше 4-х месяцев, могли привлечь к суду за тунеядство. Бенор начал поиски почти сразу же, но ничего найти не мог и немудрено: после беседы о работе, он не скрывал свое намерение уехать в Израиль. Все попытки он протоколировал и в дальнейшем использовал этот материал, когда его начали «тягать» в милицию. Но в какой-то момент в январе мы решили, что неплохо было бы все-таки иметь какую-то работу, и он попробовал устроиться на работу почтальоном в наше почтовое отделение. В самом отделении отнеслись, в общем, положительно (он мотивировал тем, что его жена больна и он должен за ней ухаживать, потому такая работа его очень бы устроила), об отъезде в Израиль на сей раз не упоминал. Для оформления его послали в отдел кадров в Центральное почтовое отделение, а там, естественно, потребовали предъявить трудовую книжку и, увидев записи о его предыдущих работах, отказали.

Талла продолжала попытки добиться каких-нибудь сдвигов и по официальной линии. Еще в начале нашего отказа Эйтан Финкельштейн, отказник из Вильнюса, в прошлом тоже свердловчанин, дал нам номер личного телефона начальника отдела административных органов ЦК КПСС Альберта Ивановича Иванова. Талла запасалась большим количеством монет, заходила в будку на Центральном телеграфе и звонила ему. На удивление, он сам брал трубку (если бы связь была через секретаря, то невозможно было бы поговорить) и довольно внимательно слушал. В одном из разговоров он сказал, чтобы она изложила все письменно и послала письмо в ЦК. Не долго думая, она написала письмо (за годы отказа она наловчилась без особого труда писать официальные письма), но решила послать его на имя Брежнева. В это время кто-то из наших знакомых ехал в Москву и Талла передала с ним письмо, попросив опустить его в почтовый ящик в самом Центре. Центральным мотивом было невыполнение пунктов Хельсинского соглашения конкретно по отношению к нашей семье.

Бенор считал писание писем бессмысленным занятием (и так оно и было), но в этот раз что-то произошло. В первой половине февраля принесли повестку Талле (именно принесли домой, а не прислали по почте) прийти в ОВИР завтра к 10-ти часам утра (кажется это было 9-е февраля). День был неприятный, так что в ОВИРе не было посетителей, ее провели в какой-то кабинет, где сидел довольно благообразный человек, лет пятидесяти, представившийся Юлием Юльевичем из Комитета Безопасности. Перед ним лежала копия Таллиного письма Брежневу с резолюцией (вверху страницы стояла прямоугольная печать). Разговор, в целом, проходил спокойно (похоже, что этот человек был т.н. «русским эстонцем»). Первым пунктом (всего было пять) был вопрос об отъезде Алика, на что он сказал, что Алика одного они не выпустят (напрасно выпустили Таллину маму); второе - отключение телефона исключает возможность общения Таллы с матерью (обещал включить и действительно, на следующий день телефон заработал); остальные три пункта – не помним, повидимому были не очень важными. В конце разговора посоветовал прекратить всю, как он назвал это, антисоветскую деятельность, пригрозил, что в противном случае, они возьмут Алика в армию («пошлем недалеко, в какой-нибудь стройбат, но после армии мы можем держать его сколь угодно долго»); на Бенора у них есть достаточно материала, чтобы посадить по крайней мере на три года («и отбывать он будет не в Эстонии»);

Талла ответила, что они прекратят всякую деятельность, как только их выпустят. На что Юлий Юльевич сказал, что наш выезд не зависит от эстонских властей, нас «держит Москва». На том и расстались.

Через несколько дней Таллу вызвал директор института (впервые за время работы) и сказал, что его вызывали в Эстонский ЦК КПСС и потребовали ее увольнения. Он этого делать не будет, но просит ее не заниматься делами, вызывающими такую реакцию властей. Талла ответила, что все их действия направлены на получение разрешения на выезд, все они осуществляются в рамках закона (ссылка на Хельсинские Соглашения) и, кроме того, он, директор института, не может и не должен нести никакой ответственности за ее поведение в нерабочее время.

Надо отдать ему должное, несмотря на продолжающееся давление на него со стороны ЦК (об этом Талла знала от своего непосредственного начальника, замечательного человека Яна Пирруса), директор больше не вызывал Таллу и ее не уволили, пока она сама не написала заявление об увольнении после получения разрешения.

Март начался с опубликования «разоблачительных материалов» о сионистском движении в «Известиях», где Щаранский прямо обвинялся в шпионаже. В ближайшую субботу мы поехали в Москву, к десяти утра были у синагоги. Вокруг крутилось много гэбэшников, подчеркнуто не скрывающих своего присутствия; только Щаранского «пасло» около шести человек (когда Талла наивно пригласила его поехать к ним в Таллинн, пока все не уляжется, он, кивнув на группу «товарищей», спросил: «А этих куда деть?»). Через три дня Щаранского арестовали, а еще через несколько дней в газете «Молодежь Эстонии» была перепечатана статья из «Известий» с добавлением о том, что в Таллине был арестован американский гражданин Марк Левит, который направлялся к Б.Гурфелю, при этом М.Левит признался, что он является «сионистским» агентом. В эти же дни Алику принесли повестку явиться в военкомат.

В общем, к концу марта тучи уже так сгустились над нашими головами, что мы передали с Зунделевичем (он уезжал в это время) полную информацию о нашем положении Таллиной маме и сестре. До этого мы информировали их частично, не желая особенно расстраивать. Здесь уместно рассказать о деятельности, которую Таллина мама развила за время своего пребывания в Израиле. Они приехали в начале сентября 1975 года, а уже в ноябре она отправила целую серию писем американским сенаторам и конгрессменам и членам английского парламента и получила от них ответы.



THE REPRESENTATIVE  
OF THE  
UNITED STATES OF AMERICA  
TO THE  
UNITED NATIONS

November 20, 1975

Dear Ms. Fish:

I have received your letter and share your concern for your daughter and her family. Unfortunately, there is virtually nothing I can do to assist them in obtaining an exit visa since they wish to go to Israel.

Nevertheless, freedom to emigrate is a basic human right which we endorse and we deplore any violation of this right.

I can only hope that your family will soon be restored the right to emigrate.

Sincerely yours,

  
Daniel P. Moynihan

Ms. Sara Fish  
Beit Milman  
Jagore Streets 32/501  
Ramat - Aviv  
Tel - Aviv Israel

В дальнейшем переписка продолжалась и расширялась, география тоже расширялась, включая французских и итальянских политических деятелей. Поскольку мама и Инна были в ульпане «Бейт-Мильман» в Рамат-Авиве, где учились люди из разных стран, то написав текст на иврите, она просила своих соучеников перевести его на соответствующий язык и напечатать, что они с готовностью делали. Она ходила на все встречи с влиятельными иностранцами, которые МИД Израиля устраивал для родственников отказников. Так что, когда Таллинское ГБ заявило, что они напрасно отпустили маму в Израиль, они, со своей точки зрения, были правы. Ее действия сыграли большую роль в положительном решении нашего вопроса.

В июле 1977 года в Белграде должна была проходить конференция стран-участников по проверке выполнения Хельсинских соглашений. Бенор писал вводную часть отчета для этой конференции, которую готовили советские отказники и, закончив ее к началу апреля, решил отвезти ее в Москву. Встал вопрос, как это сделать: было ясно, что из Таллина уехать в Москву не удастся. Тогда пришла идея поехать на празднование Пасхи в Ригу, а оттуда уже в Москву. Подготовка к поездке в Ригу с большим энтузиазмом обсуждалась по телефону с Циноберами (рижские отказники, у которых мы собирались

остановиться), что из продуктов привезти (в Риге уже было хуже со снабжением чем в Таллине), что нужно приготовить. Надо сказать, что на настоящем Пасхальном Седере мы были впервые за год до этого у Мули Левитина ל"ז, но теперь уже считались знатоками. Пока Талла с Аллой Цинобер готовили всякие паштеты и салаты, Бенор с Аркадием закупали спиртное, одновременно обсуждая ситуацию с отказниками, Алик проводил время со своим ровесником и тезкой Аликом Цинобером.

Седер проходил в квартире Генисов (родителей Александра Гениса), которые уже были в отказе несколько лет. Собралось человек 30. Вести Седер пришлось Бенору, было несколько книжек Агады (на английском и русском), многие присутствовавшие знали уже иврит настолько, чтобы прочесть молитвы. Запомнилась чудесная шестилетняя девочка, которая очень трогательно пела песни на идиш и иврите. На второй Седер мы были приглашены к Валере Каминскому, перед этим Талла с Аликом проводили Бенора на вечерний поезд в Москву, куда он благополучно доехал. Талла и Алик после Седера отправились на вокзал и, приехав утром в Таллинн, сразу же пошли на работу. Алик уже с осени работал в лаборатории микробиологии (он же собирался поступать на биохимический факультет).

В середине апреля во Львове должна была состояться очередная Всесоюзная рентгеновская конференция, проводившаяся каждые три года. Талла была участницей этих конференций еще с середины 60-х и, получив приглашение, решила поехать (она не была в Закарпатье и понимала, что вряд ли попадет туда когда-либо). Тогда -то Исмикеев позвонил и сказал, что она может лететь во Львов, но не через Москву или Киев, иначе ее снимут с самолета (она полетела через Минск). Через пару дней Исмикеев позвонил еще раз и предложил Бенору, чтобы мы переподали документы на выезд, т.к. наши уже устарели (интересно, что звонил он, а не из ОВИРа). Бенор ответил, что мы этого делать не будем, т.к. не хотим понапрасну беспокоить Таллину маму. В это же время мама получила письмо от сенатора Чарлза Перси, председателя комиссии Сената по иностранным делам, что он разговаривал о нас с Добрыниным (послом СССР в Америке) и тот обещал ему сообщить в Москву об этой просьбе.

ABRAHAM RIBICOFF, CONN., CHAIRMAN  
JOHN L. MC CLELLAN, ARK.  
HENRY M. JACKSON, WASH.  
EDMUND S. MUSKIE, MAINE  
LEE METCALF, MONT.  
JAMES B. ALLEN, ALA.  
LAWTON CHILES, FLA.  
SAM NUNN, GA.  
JOHN GLENN, OHIO

RICHARD A. WEGMAN  
CHIEF COUNSEL AND STAFF DIRECTOR

## United States Senate

COMMITTEE ON  
GOVERNMENT OPERATIONS  
WASHINGTON, D.C. 20510

January 6, 1976

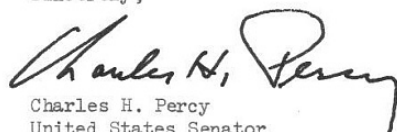
Mrs. Sara Fish  
Beit Milman, Tagore Str. 32/501  
Ramat-Aviv  
Tel-Aviv, Israel

Dear Mrs. Fish:

We have been in touch with the Soviet authorities about your daughter and her family. There can be no guarantee of success in these matters but I do hope that my intervention will be helpful.

If I receive information about the case, I will let you know immediately. In the meantime, please accept my best wishes for a happy new year.

Sincerely,

  
Charles H. Percy  
United States Senator

30-го апреля позвонили из ОВИРа и сказали, чтобы мы всей семьей пришли 4-го мая. День был неприятный, так что посетителей, кроме нас, не было. В кабинете начальника, куда нас провели, за столом рядом с начальником сидел Исмикеев (опять же ситуация необычная). Начальник объявил, что они решили удовлетворить наше ходатайство и разрешают нам выехать в Израиль; мы должны покинуть СССР в течение 10-дней. На замечание Бенора, что это недостаточный срок, учитывая наступающие три выходных дня (7,8 и 9 мая), вмешался Исмикеев и зло заявил, что мы все трое достаточно активные люди и вполне справимся. (Фраза его начиналась словами: «Бенор, вы всегда недовольны», она так и осталась у нас в семье, и Талла ее повторяет всегда, именно так, с ударением на Е, когда Бенор чем-то недоволен).

Времени на празднование не было, сразу из ОВИРа пошли на почтамт и послали телеграммы родным, друзьям, знакомым, всем, кто нам помогал (на 120 руб.). Талла тотчас же поехала на вокзал и взяла билет до Москвы на вечерний поезд 5-го Мая (решили, что она поедет в Свердловск попрощаться с могилами и договориться об уходе за ними, а мужчины в это время снимутся с военного учета). 6-го был прямой рейс Таллин-Свердловск, но лететь самолетом, даже после получения разрешения, она не решилась. Она сделала первую ошибку, пройдя на поезд через вокзал. Потом она стояла в коридоре возле выхода, так что ее можно было видеть из окна. Проснулась она от шума в том конце коридора, где она стояла прежде. Поезд стоял на какой-то станции еще на территории Эстонии. Потом голоса переместились ближе к середине вагона, слышно было, что какие-то двери купе открываются, раздавались недовольные голоса пассажиров. Соседями по купе у Таллы были молодожены, ехавшие в свадебное путешествие. Они закрыли дверь так, что ее нельзя было открыть снаружи, сами они на стук и на последующие попытки открыть дверь не прореагировали. Проверяющие прошли дальше и вскоре вышли из вагона. Поезд тронулся, но Талла уже больше, конечно, не спала.

В Москву поезд пришел с опозданием и не на обычную платформу, тут уже она проявила осторожность, прошла какими задворками, взяла такси и поехала в Домодедово (ехать на поезде в Свердловск у нее не было времени). Попасть на самолет было очень трудно(предпраздничные дни), но в последний момент ей дали билет. Два часа полета пролетели незаметно, около 9-ти вечера самолет прибыл в Свердловск, она сидела в конце самолета и когда вышла на трап сразу же увидела, что с одной стороны трапа стоят два милиционера. Дойдя до конца трапа, она сделала движение, чтобы выйти с противоположной от милиционеров стороны. Они пересекли ей дорогу и назвав ее имя, сказали обычную в таких случаях фразу «Пройдемте, гражданка Гурфель». Они точно не знали, по какой причине им приказали взять Таллу, потому что спрашивали приехала ли она сюда на праздники. Провели в отделение милиции аэропорта, где я показала паспорт, выданный еще в Свердловске, сказала, что приехала на могилы родных, что это какая-то ошибка, но...

Минут через 20 появился человек в штатском, представился подполковником Органов Безопасности (фамилии Талла не помнит) и сказал, что ей запрещен въезд в Свердловск, т.к. это закрытый город, а она иностранная гражданка. На все ее доводы, что вот же у нее советский паспорт, выданный в Свердловске, со свердловской пропиской до 72-го года, что она прожила в Свердловске всю жизнь, что же такого нового она может узнать, ответ был издевательский:



«откажитесь от визы в Израиль и мы разрешим Вам проехать в город». Последним вариантом Талла предложила, что она возьмет такси и в сопровождении «ваших сотрудников», как она сказала, поедет на кладбище и обратно в аэропорт. Он сказал, что позвонит в Москву и узнает их мнение, она не знает звонил ли он, но через минут 20 пришел и сказал, что Москва не разрешила и завтра утром первым рейсом они отправят ее в Москву. Милиционер провел Таллу в отделение для иностранцев, где сидела длинноногая блондинка (тоже типичная для гэбэшных служащих). Та отвела ее в отдельную комнату, предложила выпить чаю; позвонить куда-то не было никакой возможности и Талла легла и провалилась в сон. Часа в четыре ее разбудила та же девица, принесла билет на самолет, улетающий в пять. Через полчаса ее провели прямо в самолет и через два часа она уже была в Москве. Переехала из Домодедово во Внуково, в кассе ей сразу выдали билет в Таллинн и села в самолет. К своему удивлению, Талла увидела, как следом за ней в самолет зашел улыбающийся Абалдуев с огромным букетом сирени.

20-го мая мы пересекли границу СССР, стоя в тамбуре вагона в поезде Москва-Вена, попрощавшись с нашим прошлым словами Лермонтова. Ранним утром 24-го мая мы прилетели в Израиль.

**МЕЧТА СБЫЛАСЬ!**

## 'Refusenik' Gurfel Achieves Victory, But Pays A Price

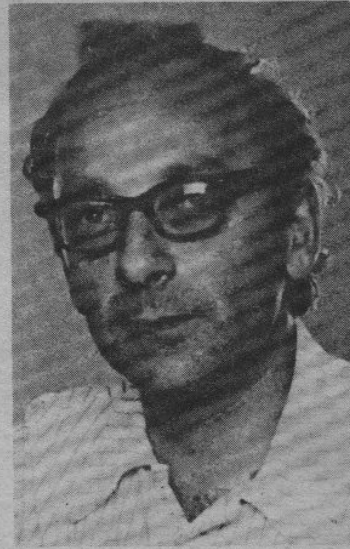
A small, yet significant victory in the battle for human rights and dignity has been achieved by Dr. Benor Gurfel, prominent Jewish econometrician from Tallin, Russia, against the Soviet Union government, it was learned this week.

Dr. Gurfel went on a hunger strike to protest his exclusion from the European Conference of Econometricians in Helsinki on Aug. 20 and for other repressive policies of the Soviet government against Jews who have applied for exit permits to Israel.

ALVIN H. GILENS, associate national campaign director and Western Region director of the United Jewish Appeal, met Dr. Gurfel and other refuseniks while on a fact-finding survey in Russia last month.

The plight of Dr. Gurfel was made known nationally in the United States through the press. The Soviet Union reacted by not sending any delegation or representatives to the Helsinki conference.

Dr. Gurfel's accomplishment was not gained without a price, Gilens has learned. He was "invited to an interview" by the KGB, the Soviet secret police, and threatened that unless he ceased his activities immediately he would be charged with:



**DR. BENOR GURFEL**  
—Defies the KGB

- CONDUCTING anti-social activities among Jews.
- 2 PROVIDING false information abroad.
- 3 PARTICIPATING in the national activities of Jews.
- 4 DISTRIBUTING anti-Soviet literature.

Dr. Gurfel refused to sign a document indicating he had been warned. However, the KGB agents

certified that they had witnessed his refusal to sign.

GILENS OBSERVED that the threatened second charge likely resulted from the news stories of Dr. Gurfel's plight which appeared in the American press. The third charge, which is Soviet law, prohibits any normal communication between Jews in locations within the Soviet Union, he added.

The continuous harassment of Dr. Gurfel by Soviet authorities has included the theft of important files from his home while he was away. He has repeatedly been refused exit visas for his family, which includes his wife and son, each time application has been made over the past four years. Other refuseniks have encountered similar experiences.

THE THREATENED charges against Dr. Gurfel cited by the KGB are cause for added concern for the well being of him and his family, as well as the growing number of refuseniks within the Soviet Union, Gilens emphasized. Communications of encouragement and support to Dr. Gurfel should be addressed to him at RSTSSR, Tallin, Sypruse, 211-28.

PETITION

To: Mr. Leonid Brezhnev, General Secretary of the Communist Party of  
the USSR  
Mr. Olof Palme, Prime Minister of Sweden.

We, the undersigned, Nobel Prize laureates, appeal to you and to the  
heads of all nations, requesting that the provisions of the Declaration  
of Human Rights and of the Helsinki Agreement be implemented. Permit  
those who wish to leave their native land to do so and let those who  
desire to remain enjoy national, cultural and religious freedom!

We appeal on behalf of our colleagues in the Soviet Union: physicists,  
chemists, medical doctors, economists and authors. In this conjunction  
we refer especially to Professor Benjamin Levitch, Professor Alexander  
Lerner, Dr. Mikael Stern, Professor Benor Gurfel and Mr. Felix Kandel.

We ask the Swedish Government, whose warm hospitality we now enjoy and  
whose dedication to human rights is known throughout the world, to use  
its good office to urge the government of the Soviet Union to abide by  
its commitments to the Declaration of Human Rights.

*Renato Dulbecco*

Renato Dulbecco, Orgenio Montale, Ulf von Euler, Derek Barton,  
Paul A. Samuelson, Hans Krebs, Robert Hofstadter, Gerhard ~~Herzberg~~  
Herzberg, Ejvin Johanson, Andre Cournand.